Борис ЕВСЕЕВ

ЛЕГЧЕ УКРАСТЬ НЕБО!

После третьего урока школьное радио о чём-то громко объявило и, захлебнувшись, смолкло. Многие не сразу поняли, в чём дело. Не понял и я. Я учился тогда в школе № 14 города Херсона. Школа стояла на горе, на Привозе, за её забором высился громадный Святодуховский собор. В те дни его как раз то закрывали, то открывали вновь.

Радио проурчало ещё раз, и теперь даже те, кто ничего не понимал, выскочив в коридор, стали визжать и «бурюкаться». Я вышел последним. Стал спрашивать, в чём дело. Никто ничего не отвечал, дико радуясь нежданной свободе. В углу, у подоконника, общей радости наперекор, плакала квёлая соученица. Я дёрнул её за локон: «Чего ревёшь»? Она ответила: «Все орут. Страшно... Наверное, война началась».

Это сообщение меня не испугало. Мы, третьеклассники, твёрдо знали: новая война будет короткой и решительной: трах-тарарах — и ни от кого даже мокрого места не останется. Так чего такой войны бояться?

Крик в школе не умолкал. Наконец я ухватил мёртвой хваткой одного из своих приятелей, Лёню А., и потребовал объяснений.

— Ты чё, дурак? — скривился презрительно Лёня, — генерал-майор Гагарин улетел в космос! — Лёня подумал и сказал: — Он там будет летать всегда.

— А зачем он там будет летать всегда? — не понял я.

— Ну, ты совсем. Затмения регулировать будет! Пускай чаще случаются!

Недавно ученики нашей школы радостно отпраздновали небывалое природное явление: солнечное затмение. Затмение принесло с собой много интересного: копчёные стёкла, тёмные очки, разрешение во время темноты не готовить уроки. Само затмение было коротким, но впечатляющим. Оно продолжалось минут пятнадцать: стало густо темнеть, в 10 утра наступил вечер, закричали ишаки у рынка, ударил годами молчавший церковный колокол. Затмение кончилось быстро, но сильно воодушевило учеников нашей школы. Оказалось: не всё в жизни — саносмотр и торжественная «линейка»!

Наконец в радиорубке справились с помехами, и мы услышали: «Говорит Москва... Лётчик-космонавт майор Гагарин... вывел на орбиту первый пилотируемый корабль... Полёт успешно завершён...»

Бурная радость учащихся всех возрастов переросла в срыв занятий. Учителя никак не могли развести нас по классам. Дело решила пионервожатая Сима. Выступив вперёд, она звенящим от гнева голосом крикнула:

— Кто не прекратит безобразничать, того не запишут!.. — В коридорах стало чуть тише. — ...не запишут в школу космонавтов! Да, с завтрашнего дня у нас, на базе бывшей авиашколы, такое учебное заведение откроется!

Кому-нибудь другому мы бы не поверили. Но Симе поверили сразу. Дело в том, что неделю назад Сима делала общешкольный доклад. Стуча указкой по наглядным пособиям, она показывала фотографии и возмущалась чьим-то бездушием. Оказалось: в 1936 году в Херсоне была открыта школа авиаторов. Состоялось два выпуска, а потом школу закрыли. Эту школу успела окончить Симина мама. Тогда же, неделю назад, Сима предложила написать письмо с просьбой снова открыть авиашколу. Поэтому её заявление про школу космонавтов было воспринято всерьёз. Галдёж увял, все пошли готовиться. Не к занятиям, конечно, а к поступлению в школу космонавтов.

Эта подготовка продолжилась днём, на улицах. В городе уже цвели яблони, скоро должны были появиться маленькие, удивительно кислые, с мягкими молочными косточками, абрикосы. Мы слонялись по городу и видели: он преобразился! Космический полёт принёс с собой странную радость и непонятное возбуждение взрослых. Весь день слышна была первомайская музыка. Летали красные и синие воздушные шары, которых в другое время не найти было днём с огнём. Слышались разговоры о возврате старых денег (их как раз обменяли на новые). Воодушевление народа иногда выливалось в слабо отрепетированное: «Ура!»

Военные патрули и милиция наблюдали за народным счастьем с туманными улыбками. Из-за кинотеатра «Коминтерн» торжественно выступила сумасшедшая Сюся. С белым флагом в руках и в калошах на босу ногу она пошла вниз, к реке. На груди у Сюси пылал от солнца громадный крест. «Князь Гагарин вернулся!» — вскрикивала Сюся. Её Христом Богом попросили убраться, и Сюся послушно ушла, отдав флаг военному, а крест милиционеру. А вечером в Центральном парке, невдалеке от памятника Сталину, на плечи которого три-четыре года назад приварили голову Ленина, возле двухсотлетнего дуба лучший городской гармонист Пётр Фомич Щ. затянул свеженькую частушку:

Если мы летаем в космос,
То скажи на милость,
Отчего со мной вчера
Вот что приключилось.
По Суворовской я шёл,
А моя соседка,
Говорит: «Пойдём ко мне,
Слетаем в космос, детка»...

День и вечер прошли в подготовке к открытию Херсонской школы космонавтов. Никаких сомнений в том, что новое учебное заведение будет находиться именно в школе № 14, не было. Поэтому на следующее утро, подойдя к школе и не увидев вывески, мы пригорюнились и затосковали.

Чтобы разогнать тоску, Лёня А. сообщил:

— Теперь затмения будут раз в неделю. А природоведение — отменят!

— Ты уже говорил, что Гагарин — генерал! — крикнул Владик Н. и дал Лёне по уху.

— Да, — подтвердил я, — ты говорил, что он генерал, а он — майор.

— Вы дураки, — сказал Лёня, — просто идиоты. Гагарин будет генералом!

Генералом Юрий Алексеевич, как известно, не стал. Но всеобщим любимцем стал навсегда и сразу. Он не был похож на комсомольцев с плакатов, на бравых военных из кинофильмов, и поэтому оказался сильней коммунизма, стал важнее совнархозов, кукурузы и всех дальнейших издевательств над природой и здравым смыслом.

Позже мы узнали, как Гагарин описывал космос во время полёта. Ничего лучше этих описаний я до сих пор не знаю: *«Вижу горизонт. Горизонт Земли выплывает! Земную поверхность вижу в иллюминатор. Небо чёрное, по краю горизонта голубой ореол, который темнеет, по удалению от Земли... Теперь вижу и звёзды. В правый иллюминатор — наблюдаю звёздочку! Ушла звёздочка, уходит, уходит...»*

Юрий Гагарин ушёл от нас, как та звёздочка. Но звук его голоса, его улыбка, которая примиряла и примиряет с тяготами жизни и несправедливостью — остались. В то утро мы об этой гагаринской улыбке ещё ничего не знали. Зато теперь она часть природы. Потому что её нельзя отнять или украсть ни у кого из нас. Ни у русских, ни у американцев, ни у украинцев, ни у доверчивых херсонских школьников образца 1961 года. Легче украсть небо.